

УДК 821.133.1

Н.А. ЛИТВИНЕНКО,
*доктор филологических наук, профессор,
декан факультета журналистики и гуманитарных наук
Университета Российской академии образования (Москва)*

ДИЛОГИЯ ЖОРЖ САНД «КОНСУЭЛО» И «ГРАФИНЯ РУДОЛЬШТАДТ»: ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ

В статье исследуются особенности поэтики дилогии Ж. Санд «Консуэло» и «Графиня Рудольштадт». Рассматриваются художественные трансформации эстетического опыта романтизма в данном произведении в контексте литературы, ориентированной на широкого демократического читателя.

Ключевые слова: романтизм, романтический герой, музыка, Просвещение, философский диалог, идиллия.

Дилогия принадлежит перу писательницы, которая, наряду с Бальзаком и Гюго, была «звонким эхом» своего времени, прокладывала новые пути в искусстве. Она создавала свои художественные миры, как и ее великие современники, адресуя их широкому кругу читателей. Уровни и типы художественного мышления обладали разными эстетическими векторами, в то же время переплетались в реальном контексте литературных связей и отношений.

Дилогия Жорж Санд «Consuelo» (1842–1843) и «La Comtesse de Rudolstadt» (1843–1844) печаталась в «Revue Indépendante», основанном писательницей совместно с Леру и Луи Виардо для пропаганды социалистических идей. Она была противоречиво оценена современниками. Среди тех, кто встретил с восторгом, – Ален, который доверял человеку и человеческому разуму, исповедовал надежду [1, с. 439]. **Жорж Санд для него – великая женщина, великий человек, великая душа.** Она «бессмертна благодаря «Консуэло». «Это наш «Мейстер», более доступный, он больше привлекает своей авантюристкой, идет в самую глубь посредством музыки, как «Вильгельм Мейстер» – посредством поэзии» [2, с. 29]. М. Пруст разделял вкусы Алена к этой прозе, «ровной и текучей (lisse et fluide), которая, как романы Толстого, всегда проникнута добротой и душевным благородством» [3, с. 7]. Донеиме имя автора дилогии в новых аспектах и контекстах привлекает французских литературоведов [4; 5; 6].

Репутация Жорж Санд как романтика вполне оправданна и устойчива, однако связи писательницы с предшествующим и современным опытом развития французской литературы изучены весьма избирательно. Между тем актуально изучение тех нитей, которые связывают писательницу с традициями, наследием литературы XVIII в., к которому она обращалась во многих своих романах¹.

В исторической дилогии Жорж Санд перед читателем проходят картины жизни, идейные искания века Вольтера, Руссо, Фридриха Великого, чешская история, музыкальная жизнь Венеции, Вены, Берлина, волновавшие век просветителей эзотерические, социальные

¹ На руссоистскую концепцию природы и человека писательница опиралась при построении образов в романе «Мопра» (1837), где необузданному дикарю Бернару противопоставлены героиня и крестьянин Пасьянс.

и общественные проблемы. Исторический роман Жорж Санд вбирал, стилизовал, интерпретировал, переосмысливал составляющие эстетического опыта эпохи², которую изображал.

В рамках статьи представляется интересным задуматься над некоторыми художественными трансформациями, которые этот опыт претерпел на основе романтизма, в том его качестве, которое можно с осторожностью отнести то ли к массовой (в понимании XIX в.), то ли к «популярной», во всяком случае, как и у Гюго, литературе, ориентированной на широкого демократического читателя. Разумеется, речь будет идти об отдельных аспектах такой «романтизации».

Первая часть дилогии – «роман о призвании артиста» – погружает читателя в музыкальную жизнь солнечной Венеции, в перипетии музыкальных и театральных проблем, освещенных в многочисленных трудах (Дидро и Руссо, Ж.-Ф. Рамо, в полемике о буффонах), фокусировавших общеэстетическую проблематику середины столетия – соотношения духовной и светской музыки, французской и итальянской оперы, национальных форм выразительности, музыкального искусства. В развертывании и переплетении «музыкальных» смыслов в романе участвуют представители разных слоев общества и, прежде всего, Консуэло, центральный персонаж, стягивающий всю сюжетно-идейную проблематику дилогии.

Концепция образа строится на основе романтической модели – героиня противопоставлена миру, пребывает в противоречии, в конфликте с ним: в певческой школе, в отношении к учителю Порпоре, взрослому Андзолетто, соблазнителю графу Дзусиньяни, как позднее – в отношении к пребывающему в «другом измерении» графу Альберту, его семье, властвующей Марии-Терезии, австрийскому императорскому двору и лично прусскому монарху Фридриху Великому. Изображение «годов учения» художественно упрощено, подчинено приключенческой интриге, обе составляющие противопоставляемых полюсов – и героиня, и среда – не меняют оценочной семантики. Консуэло в обновляемых обстоятельствах жизни проявляет те же качества, которые были обозначены писательницей с первых сцен ее появления в романе, в школе Порпоры. Среда, в свою очередь, проявляет свою враждебность, неготовность, неспособность «ассимилировать» Консуэло – в разных коллизиях развертывающихся событий и приключений.

Сам по себе контраст героя с развращенной цивилизацией был характерен для просветителей, не только для Руссо, столь близкого писательнице по целому ряду идейно-эстетических и идеологических представлений. У Жорж Санд – в традициях XIX в. – этот контраст социально конкретизирован и заострен, поляризован, социальный статус персонажа – художника, артиста – определяет его особое положение в сравнении с Вертером или Сен-Пре, героями сентименталистского романа, где общество тоже остается жестко регламентированным, неукоснительным законодателем прав и правил, а персонаж лишен той «свободы» жизненного маневра, которая есть у героя-артиста Жорж Санд или – другому у героя Гете («Годы учения Вильгельма Мейстера», 1795–1796). Однако психологический конфликт со средой в сентименталистском романе Руссо гораздо глубже, драматичнее, окрашен социальным трагизмом, тогда как талант Консуэло защищает ее от трагической или мелодраматической развязки, ставит в особое положение. Она изначально, «по определению», выше изображенного в дилогии общественного социума разных стран. Дилогия Жорж Санд – романтический роман становления, но не воспитания, как у Гете.

Новый статус героя-художника, артиста в романтическом произведении еще отчетливее обнаруживает два ценностных повествовательных вектора – с точки зрения среды – и с позиции повествователя и героя. Причем позиция повествователя в историческом романе включает разнообразную семантику понимания, именно понимания, а не приятия, – и в то же время – отрицания феодально, абсолютистских регламентированных форм общественных отношений. Бесспорным и безошибочным критерием оценочности всегда остаются носители идеальных и справедливых, социально-утопических представлений – Консуэло и граф Альберт.

К моменту создания дилогии концепция художника, гения, артиста сложилась в разных национальных литературах и модификациях. Однако в изображаемую писательни-

² О преломлении в романной дилогии исторического и эстетического опыта XVIII в. См. также: Н.А. Литвиненко. Французский роман 1840–1850-х г.: поэтика жанра: Монография / Н.А. Литвиненко. – М. Экон-Информ. 2009. – 224 с.

цей эпоху этот процесс – в новом качестве – только формировался. Дидро в «Племяннике Рамо»³ в знаменитых диалогах, признавая заслуги гения перед людьми, в то же время противопоставлял ему как жизненную данность недостатки и пороки его натуры. Дидро наделяет гения великими страстями, энтузиазмом, способностью создавать собственные законы, но видит опасность в том, что он может преуспеть не только в добре, но и во зле [8]. Писатель предугадывал актуальную для века XIX, **заостренно проявившуюся в романтизме дилемму** – противоречие между величием идеальных устремлений и обыденной жизнью: «*Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон*»... Это противоречие нашло воплощение и в творчестве, и в жизненном опыте писателей-романтиков, поэтов. Один из участников диалога у Дидро называет гения «опасным даром природы»:

«Он. Но если природа так же могущественна, как и мудра, почему она не создала гениев столь же добродетельными, как и великими?»

Я. Да разве вы не видите, что подобным рассуждением вы опрокидываете весь мировой порядок и что если бы все на земле было превосходно, то и не было бы ничего превосходного» [9].

Дидро анализирует противоречия, заложенные в проблеме, – смесь «высокого и низкого»; обычного, обыденного, порой безнравственного – и, однако, даже «через тысячу лет», «исторгающего слезы». Философский диалог отсылает к именам современников, опирается на конкретные фигуры, конкретный жизненный материал. Но очевидно, что действительность, реальный жизненный материал еще не сформировали образ-миф, который станет одним из центральных в романтизме. Новый миф об Орфее зарождается у просветителей, но обретет свое величие и масштаб на почве потрясений новой эпохи, вобрав в себя пафос неукротимого протеста индивида, осознавшего свое духовное могущество, право быть равным творцу.

Романтику Жорж Санд во всех отношениях ближе создатель «Юлии, или Новой Элоизы» (1761), автора многих трудов, посвященных проблемам неравенства, общественной морали, музыки, искусства. У Руссо нашли воплощение и обоснование те соотношения индивидуального и всеобщего, которые особенно значимы для романтизма и творчества Жорж Санд. Писательница в своих произведениях тяготеет к выстраиванию *своей* концепции гения – «естественного» в обществе и человеке.

Для нее естественным в искусстве становится принцип идеализации: «*L'art, pensait George Sand, n'est pas une étude de la réalité empirique; c'est une recherche de la vérité idéale*», изображение не бальзаковской правды жизни как таковой, во всех ее разнообразных проявлениях – *la vérité des hommes*, но тех ценностей, которые они почитают [10]. Заметим: идеальная истина – такой же «эффект реальности», как и «*la réalité empirique*», но, по-видимому, более значимый для поэтики искусства, ориентированного на широкого демократического читателя XIX в.

Исследователи подчеркивают особую роль и специфику руссоистской концепции «естественного состояния», построенной «на предположениях», – как изначальной доброты, как гипотезы, открывавшей «широкие горизонты для критики исторически существовавших явлений культуры и общественной жизни» [11, с. 208]. Эта концепция включала способность человека к самосовершенствованию. В трудах Руссо вырисовывается отличная от Дидро целостная концепция гения, который тоже становится выражением естественного, но по-другому. Он способен выйти за установленные пределы, в нем находит проявление свобода, он меняет «порядок естественной красоты», «передает идеи через чувства», раскрывает «общность чувств», возбуждает страсти в глубине сердца [12]⁴. И «не

³ Текст попал к Шиллеру в 1804 г., а опубликовано произведение было позднее.

⁴ Руссо пишет: «*Le Génie du Musicien soumet l'Univers entier à son Art. Il peint tous les tableaux par des Sons; il fait parler le silence même; il rend les idées par des sentimens, les sentimens par des accens; & les passions qu'il exprime, il les excite au fond des coeurs. La volupté, par lui, prend de nouveaux charmes; la douleur qu'il fait gémir arrache des cris; il brûle sans cessé & ne se consume jamais. Il exprime avec chaleur les frimats & les glaces; même en peignant les horreurs de la mort, il porte dans l'ame ce sentiment de vie qui ne l'abandonne point, & qu'il communique aux coeurs faits pour le sentir. Mais hélas! il ne fait rien dire à ceux où son germe n'est pas, & ses prodiges sont peu sensibles à qui ne les peut imiter.. Mais si les charmes de ce grand Art te laissent tranquille, si tu n'as ni délire ni ravissement, si tu ne trouvé que beau ce qui transporte, oses-tu demander ce qu'est le Génie? Homme vulgaire, ne profane point ce nom sublime»*

существует иного искусства в этом отношении, кроме искусства зажечь в своем собственном сердце тот огонь, который хочешь внести в сердца других людей», – говорит Руссо. При этом Руссо противопоставляет гения тем, кто не воспринимает возвышенного искусства, не чувствует прекрасного, остается спокойным; бессмысленно вопрошать их о Гении: «*Homme vulgaire, ne profane point ce nom sublime*» [12].

Нравственное начало как составляющая чувствительности и эстетического переживания входит в представление о гениальности в размышлениях Руссо. Это органическое слияние естественности и гениальности присуще Коринне Ж. де Сталь, идейным положительным героям Жорж Санд.

Писательнице, очевидно, близок художественный опыт не только Руссо-романиста, но и автора «Пигмалиона» (1762), – драмы, где угадан новый архетип романтического героя. Можно согласиться с В. Луковым, который, пишет: «Единство психологического портрета возникает, по существу, на романтической основе: герою Руссо свойственна неистовость». Ученый верно отмечает, что в речи Пигмалиона почти нет спокойных, рассудительных фраз⁵. В «Пигмалионе» Руссо находит проявление тот всепоглощающий, страстный порыв к идеалу, абсолюту, без которого не мыслимо большинство образов-мифов – не только художника – в романтизме. «*Мучения, мольбы, желания, бешенство, бессилие, любовь роковая, гибельная... О, – весь ад в моей измученной душе...*»⁶. Руссо формирует архетип романтического героя, бунтующего, взывающего к богам, осознающего бесконечность своего страдания и могущество своих желаний.

Романтизм разрабатывал и другие художественные модели гения, творца (в романах Ж. де Сталь, Новалиса, Гельдерлина, Л. Тика). В дилогии Жорж Санд воплощена модель художника-артиста, не окрашенная демонизмом, демократическая, неэлитарная, сближающая героиню с «обыкновенными» людьми. Талант Консуэло сочетается с трудолюбием, а исключительность проявляется в масштабе дарования, в целостности нравственного и творческого облика, реализуемого во всех сферах жизни, на всех этапах жизненного пути. То противоречие, о котором рассуждали персонажи Дидро, снято в романе, наследующем традиции классического единства истины, добра и красоты. Это единство формирует специфику образов в идейном историческом приключенческом романе Жорж Санд.

Происхождение Консуэло по романтической традиции корнями уходит вглубь неопределенно обозначенных этнических пластов народной жизни. Отсылка к прозвищу – Зингарелла, которым называли героиню дилогии за смуглый цвет лица, – дань интереса к этносу, одного из представителей которого ярко изобразил Вальтер Скотт (в романе «Квентин Дорвард»), которому одну из своих замечательных новелл посвятил П. Мериме, в то же время тяготеет к принципу универсализации образа, приданию ему неких символических черт и измерений. При всей очевидности и традиционной романтической зашифрованности прошлого и происхождения героини ее образ генетически не связан с концепцией естественного человека-дикаря, она – носитель демократических нравственных ценностей культуры. В романах Жорж Санд «естественная» дикость – то ли Бернара («Мопра», 1837), то ли пандура Франца фон Тренка – мотивирована не природой, а социальными факторами жизни персонажей – феодальным произволом и абсолютизмом.

⁵ Литературовед считает, что «Руссо – ключевая фигура во французской драматургии предреволюционной поры, от которой тянутся нити к предромантизму, романтизму и – далее...». См.: Луков В. Руссо: драма «Пигмалион». У истоков предромантической мелодрамы [Электронный ресурс] / В. Луков. – Режим доступа: <http://www.litdefrance.ru/199/91> (последнее обращение 13.03.2016).

⁶ «*Tourmens, vœux, desirs, rage, impuissance, amour terrible amour funeste....oh! tout l'enfer est dans mon cœur agite....*». В другом монологе: «*Mais quelle est donc cette ardeur interne qui me dévore? Qu'ai-je en moi qui semble m'embraser? Quoi! dans la langueur d'un génie éteint, sent-on ces émotions, sent-on ces élans des passions impétueuses, cette inquiétude insurmontable, cette agitation secrète qui me tourmente & dont je ne puis démêler la cause?...*». См.: Rousseau J.-J. Pygmalion, Scene Lyrique [Электронный ресурс] / Jean-Jacques Rousseau // Collection complète des oeuvres de Jean Jacques Rousseau. – Genève, 1780–1789. – V. 9. – Режим доступа: <http://www.rousseauonline.ch/pdf/rousseauonline-0056.pdf> (последнее обращение 05.03.2016).

В дилогии Консуэло олицетворяет и воплощает тот идеальный тип, который был дорог не только Руссо. Вольтер с помощью Гурона – умозрительной модели – обнажал пороки современной цивилизации, Жорж Санд на основе идеального персонажа – актрисы – пороки и недостатки венецианского, австрийского общества, прусского двора, определенных типов общественного устройства. В то же время традиционный для просветителей мотив развращающей цивилизации вводит в роман писательницы реальность очень неидеального мира, который губит талант Андзолетто, постоянно вытесняет, упорно выталкивает из своей среды Консуэло.

Идеальное в романе Жорж Санд природного свойства, оно включено в живую приключенческую интригу, наделено биографическим и психологическим содержанием, и потому утрачивает декларативность и искусственность, приобретает жизненную и художественную достоверность.

В романной реальности заложен модус-критерий духовного императива, совпадения персонажа с идеалом – призванием героини, устремленной к профессиональной самореализации в искусстве. Т. Павель считал, что, следуя такому методу, романисты «воплощали скорее идеалы, чем индивидов», литературовед пишет о моральном блеске (*splendeur*) Жюли д'Этанж, невинности диккенсовского Оливера Твиста, преданности Квазимодо: «Идеализация добродетели, которая никогда не существует в чистом виде, но которую легко обнаружить и оценить» [10]. Особенности романтической интерпретации поляризованных сущностей связаны со спецификой *romanescque* в массовой романистике XIX в.

Жорж Санд выбрала центральным персонажем романа не композитора, не художника, но артиста, артистку, исполнительское мастерство которой перерастает в акт высочайшего творчества. В то же время музыкальный материал, как по-другому и у Гофмана, придает художественному изображению дополнительную глубину, резонируют музыкальные темы и образы, преображенной и преображающейся на глазах читателя художественной реальности. В образе героини находит воплощение идеальный стереотип естественного человека в романтизме Жорж Санд, как и в «Соборе Парижской богородицы», героиня которого – Эсмеральда – тоже не цыганка, как и Консуэло. Она носитель и воплощение музыкальной культуры человечества как природного и естественного начала гения. Музыка, как «естественное» в романтизме, наполняет эту категорию – образы жизненным содержанием, формирует семантическую многомерность, – как и у Гофмана, которого любила Жорж Санд, имя которого упомянута в дилогии.

В завершение второй части «Консуэло» звучит мотив столь близкий автору «Писем путешественника» (1834–1836), – гимн дороге и свободе, который мысленно произносит героиня: *«Она лежит и влечет своими изгибами, своими тайнами. К тому же по этой дороге ходят все люди, она принадлежит всему миру... впереди лишь небесный простор и, насколько хватает глаз, дорога – земля свободы... Самый последний нищий – и тот чувствует к ней непреодолимую нежность. Пусть воздвигнут для него больницы, роскошные, как дворцы, они будут казаться ему тюрьмой. Его поэзией, его мечтой, его страстью всегда будет большая дорога. О матушка, матушка! ... Отчего не можешь ты снова взять меня на свои сильные плечи и унести туда, где кружится ласточка над синюющими холмами, где воспоминания о прошлом и сожаления об утраченном счастье не могут догнать артиста-непоседу, несущегося быстрее их, и где каждый день новые горизонты, новый мир встают между ним и врагами его свободы»* [13, с. 390–39]. Пейзаж здесь – это, свойственная романтикам, окрашенная ностальгией «музыка бытия», «проникновенно-музыкальный образ»⁷.

Семантическое ядро лирической ламентации образуют: нищий, мать, артист – объединенные в архетипическом образе-символе свободы, метафорой и выражением которого становятся дорога, ласточка, кружащаяся над синюющими холмами, воспоминания, открывающие новые горизонты. Единое целое образует инвариант одного из основополага-

⁷ А.В. Михайлов пишет о немецком романтизме: Михайлов А.В. О Людвиге Тике, авторе «Странствий Франца Штернбаляда» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/mihajlov-o-lyudvige-tike/chast-vii.htm> (последнее обращение 05.03.2016).

ющих романтических мифов о художнике, свободном от каких-либо стесняющих его уз – социальных, политических, семейно-бытовых – подвластном только велениям своего гения, своего духа. Идеальное – идиллическое как выражение свободы, судьбы и призвания художника, артиста находит выражение в романах Гете, Новалиса, Л. Тика. В путешествии Консуэло и Гайдна исторический персонаж удостоверяет реальность вымышленного.

В этой части идиллия перемежается с сатирой, а идеальное вступает в противоречие с «реальностью» развертывающихся сюжетных коллизий. По той самой дороге, которая вдохновила Консуэло на гимн в ее честь, приходит, неся унижение героине, Андзолетто. На дороге поджидает ее встреча не только с Гайдном, но и с вербовщиками, не только с Фридрихом фон Тренком, но и с графом Годицом. Символический план повествования датирован исторически, включает конкретные реалии эпохи – жизни и искусства XVIII в., конкретные зарисовки судеб исторических лиц.

Юный будущий великий композитор Й. Гайдн – это еще одна ипостась образа художника, музыканта и его судьбы. Повествователь постоянно апеллирует к реальным произведениям, биографам, фактам жизни Гайдна, маркируя, ненавязчиво подчеркивая достоверность изображаемых событий, ситуаций, тех или иных сюжетных коллизий.

Тема ученичества трактуется в идиллическом дискурсе. Искусство как бы обращается здесь к своим истокам, служа сельским жителям, танцующим под звуки свирели и скрипки и слушающим мессу. Однако в идиллический план, воплощающий романтически трактуемую тему «сродства душ», романтической гармонии, врывается «приключение». Природа его иного рода, чем в чешской части романа, хотя в нем тоже есть «страшное». Это «страшное» почти не связано с «готикой», хотя и здесь слышатся мучительные стоны жертвы, господствует атмосфера насилия и преступления. Романическое вырастает из криминальной ситуации, жертвой которой едва не становятся герои-музыканты, сама профессия которых предстает как объект возможной наживы.

Усложняя повествовательную стратегию, романистка создает своеобразный музыкальный контрапункт звучания, взаимодействия голосов и инструментов, где подхватываются и получают развитие мотивы и лейтмотивы, создавая полифонию перекликающихся и все более углубляющихся смыслов. Это то, что принципиально отличает произведение Жорж Санд от поэтики «массового», как и специфика интертекстуальности, которая обладает не сугубо знаковой функцией, но включает глубокие семантические связи и соотношения. Музыка в диалогии Жорж Санд не только предмет размышления, но и способ изображения и постижения мира. Это тем более очевидно, поскольку музыкальное начало в характеристике персонажей неотделимо от нравственного. Достичь подлинных вершин в музыке могут только те, у кого эти начала пребывают в гармонии, в противном случае, у Жорж Санд речь идет о мастерстве, технике понимания, удачном кратковременном использовании своих творческих ресурсов.

Жорж Санд создает «парные» образы, варьирует мотивы. В юном Гайдне [14] – та же ипостась естественного, доминантой которого становится музыка, искусство, самоотверженная преданность призванию, готовность трудиться, вырабатывать мастерство. Писательница не наделяет своего героя никакими недостатками, разве что юностью, но в действительности сама эта юность – основание и предпосылка идеальности и естественности в романном мире. Идиллический модус становится одним из составляющих элементов естественного и гениального в романе. Тем значимее и драматичнее – по контрасту – вырисовываются перипетии опасного приключения, отсылающего читателя к одной из сюжетных коллизий «Кандида».

Эпизод с вербовщиками напрямую перекликается с одним из сатирико-обличительных эпизодов, рисующих многовековую и современную практику кровавых и бессмысленных войн. Философская повесть Вольтера рисует героя-простака в оценке и глазами пристрастного, иронически, парадоксально мыслящего философа, публициста – повествователя. Сатира и не предполагают ни вживания в образ, ни даже сопереживания, читатель становится свидетелем блистательного писательского эксперимента, подчиняющегося утверждению актуальных морально-этических и философских максим. Невероятность и калейдоскопичность приключений позволяют читателю насладиться виртуозностью замысла и исполнительского писательского мастерства.

У Жорж Санд епізод с вербовщиками вплетен в идиллию путешествия героев, на время разрушает ее. Писательница избегает художественной монотонности, наполняя идиллию драматизмом, вписывая эпизод в дальнюю перспективу романских коллизий, которые получают развитие в «Графине Рудольштадт». В то же время эстетика рококо, характеризующая повесть Вольтера, оборачивается в романе Жорж Санд переодеванием героев, забавными, непредвиденными приключениями с идеальным и наивным каноником, к которому пристраивают новорожденного младенца Кориллы. Ирония проявляется в некоей игровой нарочитости используемых коллизий, которые как будто порывают связь с «реальной жизнью» и выстраивают дискурс приключения.

Естественный человек в романтизме Жорж Санд – одаренный музыкально и нравственно; нравственное начало основывается не на сословном, а на природно и осознанно заложенном свойстве, определяющем внутреннюю целостность персонажа, его гармонию с самим собой, его близость к другим – родственникам ему персонажам, таким как граф Альберт, Зденко, Готлиб, или Ванда. Социальное не разрушает эту целостность, но преодолевается героем. Эволюция графа Альберта – это выход за пределы традиционно-социального в сферу тех естественных отношений и социальных идей эгалитаризма, которые в утопическом и мифопоэтическом пространстве общества невидимых воплотила Жорж Санд. Закономерность в том, что утверждаемая ею утопия гибнет под натиском окружающего персонажей социального мира, закрытое, искусственное пространство идиллии «прекрасных душ» [15; 16], поместье невидимых – разрушено. Герои – по закону мифа – возвращаются к некоему новому концу-началу – растворяются в безвестности, в народе. Писательница создает открытую концовку, где надежда на будущее выверена вековой историей человечества, уходит за «мерцающую даль», к новым поколениям, что сближает поэтику диалогии с произведениями утопистов и немассовой литературы XIX в.

Список использованных источников

1. Моруа А. Ален / А. Моруа // Литературные портреты. – Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1974. – С. 694–709.
2. Cellier L. «Consuelo» et «La Comtesse de Rudolstadt» / L. Cellier, L. Guichar // Sand George. Consuelo. La Comtesse de Rudolstadt. – P.: Garnier, 1959. – V. 1. – 479 p.
3. Maurois A. Lélia ou la vie de George Sand / A. Maurois. – P.: Hachette, 1952. – 563 p.
4. George Sand et ses consœurs: la femme artiste et intellectuelle au XIXe siècle. 20e Colloque International George Sand. Vérone (Italie). 29 juin – 1er juillet 2015 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fabula.org/actualites/george-sand-et-ses-consoeurs-la-femme-artiste-et-intellectuelle-au-xixe-siecle20e-colloque_64304.php (последнее обращение 20.03.2016)
5. Marcoline Dubernet A. «Une trace de moi»: Narrative Succession in «Consuelo» and «La Comtesse de Rudolstadt'» / Anne Marcoline Dubernet // George Sand: Intertextualité et Polyphonie II: Voix, Image, Texte. – Bern: Peter Lang AG, 2011. – P. 111–125.
6. Wilson D.J. «Consuelo» as Opera / Dora J. Wilson – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fabula.org/actualites/george-sand-intertextualite-et-polyphonie_13604.php (последнее обращение 01.03.2016).
7. Cahiers George Sand. «George Sand au pays des merveilles». – 2014. – No 36 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fabula.org/actualites/cahiers-george-sandn-36-2014_67833.php (последнее обращение 10.03.2016).
8. Diderot – Le Génie des Lumières. Nature, Normes, Transgressions. Colloque international à l'occasion du 300e anniversaire de Denis Diderot. 27-29 Juin 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fabula.org/actualites/diderot-le-genie-des-lumieres-nature-normes-transgressionscolloque-international-a-l-39-occasion-du_51733.php (последнее обращение 01.03.2016).
9. Дидро Д. Племянник Рамо [Электронный ресурс] / Д. Дидро. – Режим доступа: <http://detectivebooks.ru/book/1192755/?page=3> (последнее обращение 16.03.2016).
10. Pavel T. Fiction et perplexité morale / Thomas Pavel // Conférence «Marc Bloch» (École des Hautes Études en Sciences Sociales) prononcée le 10 juin 2003 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fabula.org/documents/pavel_bloch.php (последнее обращение 16.03.2016).

11. Занин С.В. Общественный идеал Жан-Жака Руссо и французское просвещение XVIII века / С.В. Занин. – СПб.: Издательский дом «Мирь», 2007. – 535 с.

12. Rousseau J.-J. Dictionnaire de Musique / J.-J. Rousseau // Collection complète des oeuvres de Jean Jacques Rousseau. – Genève, 1780–1789. – V. 9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rousseauonline.ch/Text/volume-9-dictionnaire-de-musique.php> (последнее обращение 16.03.2016).

13. Sand G. Consuelo. La Comtesse de Rudolstadt / George Sand. – P.: Garnier, 1959. – V. 1. – 479 p.

14. La Bohémienne, figure poétique de l'errance aux XVIIIe et XIXe siècles / éd. Pascale Auraix-Jonchière, Gérard Loubinoux. – Clermont-Ferrand: Presses Universitaires Blaise Pascal, 2006. – 424 p.

15. Пахсарьян Н.Т. Пасторальные бури и утопические идиллии в романе Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» / Н.Т. Пахсарьян // XVIII век: литература в эпоху идиллий и бурь. – М.: Экон-информ, 2012. – С. 182–190.

16. Пахсарьян Н.Т. Идиллия и утопия в романе Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» / Н.Т. Пахсарьян // Историко-философский ежегодник 2012. – М.: Канон+, 2013. – С. 258–271.

References

1. Morua, A. *Alen* [Alen]. *Literaturnye portrety* [Literary portraits]. Kishinev, Kartja Moldovenjaskje Publ., 1974, pp. 694-709.

2. Cellier, L., Guichar, L. "Consuelo" et "La Comtesse de Rudolstadt" ["Consuelo" and "The Countess de Rudolstadt"]. Sand, George. *Consuelo. La Comtesse de Rudolstadt* [Consuelo. The Countess de Rudolstadt]. Paris, Garnier, 1959, vol. 1, 479 p.

3. Maurois, A. *Lélia ou la vie de George Sand* [Lelia or the life of George Sand]. Paris, Hachette, 1952, 563 p.

4. *George Sand et ses consœurs: la femme artiste et intellectuelle au XIXe siècle* [George Sand and his fellow workers: the woman artist and intellectual in XIXth century]. *20e Colloque International George Sand. Vérone (Italie). 29 juin - 1er juillet 2015* [20th International Symposium George Sand. Vérone (Italy). June 29th - July 1st, 2015]. Available at: http://www.fabula.org/actualites/george-sand-et-ses-consœurs-la-femme-artiste-et-intellectuelle-au-xixe-siecle20e-colloque_64304.php (Accessed 20 March 2016).

5. Marcoline Dubernet, A. "Une trace de moi": Narrative Succession in "Consuelo" and "La Comtesse de Rudolstadt". In: *George Sand: Intertextualité et Polyphonie II: Voix, Image, Texte* [George Sand: Intertextuality and Polyphonie II: Voice, Picture, Text]. Bern, Peter Lang AG, 2011, pp. 111-125.

6. Wilson, D.J. "Consuelo" as Opera. Available at: http://www.fabula.org/actualites/george-sand-intertextualite-et-polyphonie_13604.php (Accessed 01 March 2016).

7. *Cahiers George Sand. "George Sand au pays des merveilles"* [Notebooks of George Sand. «George Sand in the country of marvels»], 2014, no 36. Available at: http://www.fabula.org/actualites/cahiers-george-sandn-36-2014_67833.php (Accessed 10 March 2016).

8. *Diderot – Le Génie des Lumières. Nature, Normes, Transgressions. Colloque international à l'occasion du 300e anniversaire de Denis Diderot. 27-29 Juin 2013* [Diderot – The Genius of Light. Nature, Norms, Transgressions. International symposium on the occasion of the 300th birthday of Denis Diderot. June 27-29, 2013]. Available at: http://www.fabula.org/actualites/diderot-le-genie-des-lumieres-nature-normes-transgressionscolloque-international-a-l-39-occasion-du_51_733.php (Accessed 01 March 2016).

9. Didro, D. *Plemjannik Ramo* [Nephew Ramo]. Available at: <http://detectivebooks.ru/book/1192755/?page=3> (Accessed 16 March 2016).

10. Pavel, T. *Fiction et perplexité morale* [Fiction and moral confusion]. *Conférence "Marc Bloch" (École des Hautes Études en Sciences Sociales) prononcée le 10 juin 2003* [Conference "Mark Bloch" (School of High Studies in Social sciences) pronounced on June 10th, 2003]. Available at: http://www.fabula.org/documents/pavel_bloch.php (Accessed 16 March 2016).

11. Zанин, S.V. *Obshhestvennyj ideal Zhan-Zhaka Russo i francuzskoe prosveshhenie XVIII veka* [Jean-Jacque Russo's public ideal and the French Enlightenment of 18th century]. Saint-Petersburg, "Mir" Publ., 2007, 535 p.

12. Rousseau, J.-J. *Dictionnaire de Musique* [Dictionnaire of Music]. *Collection complète des oeuvres de Jean Jacques Rousseau* [Whole collection of Jean Jacques Rousseau's works]. Genève, 1780-1789, vol. 9. Available at: <http://www.rousseauonline.ch/Text/volume-9-dictionnaire-de-musique.php> (Accessed 16 March 2016).

13. Sand, G. *Consuelo. La Comtesse de Rudolstadt* [Consuelo. The Countess de Rudolstadt]. Paris, Garnier, 1959, vol. 1, 479 p.

14. Auraix-Jonchière, Pascale, Loubinoux, Gérard (ed.) *La Bohémienne, figure poétique de l'errance aux XVIIIe et XIXe siècles* [The Bohemian, poetic face of restless wandering in XVIIIth and XIXth centuries]. Clermont-Ferrand, Presses Universitaires Blaise Pascal, 2006, 424 p.

15. Pahsar'jan, N.T. *Pastoral'nye buri i utopicheskie idillii v romane Zh.-Zh. Russo "Julija, ili Novaja Jeloiza"* [Pastoral storms and utopian idylls in J.-J. Russo's novel "Julia, or New Eloise"]. *XVIII vek: literatura v jepohu idillij i bur'* [18th: the literature in epoch of idylls and storms]. Moscow, Jekon-inform Publ., 2012, pp. 182-190.

16. Pahsar'jan, N.T. *Idillija i utopija v romane Russo "Julija, ili Novaja Jeloiza"* [Idyll and Utopia in Russo's novel «Julia, or New Eloise»]. *Istoriko-filosofskij ezhegodnik 2012* [The Historico-philosophical year-book 2012]. Moscow, Kanon+ Publ., 2013, pp. 258-271.

У статті досліджуються особливості поетики діалогії Ж. Санд «Консуело» та «Графиня Рудольштадт». Розглядаються художні трансформації естетичного досвіду романтизму в цьому творі в контексті літератури, що орієнтована на широкого демократичного читача.

Ключові слова: романтизм, романтичний герой, музика, Просвітництво, філософський діалог, ідилія.

The features of poetics Z. Sand'i dilogy «Consuelo» and «The Countess Rudolstadt» are investigated in the article. Art transformations of aesthetic experience of romanticism in the given work in a context of the literature, focused on the wide democratic reader, are considered.

Key words: romanticism, romantic hero, music, Enlightenment, philosophical dialogue, idyll.

Одержано 12.01.2016